

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Ли Аньци
на тему: «Рецепция творческого наследия Н.В. Гоголя в Китае»
по специальности 10.01.01 – «Русская литература»

Работа Ли Аньци, посвященная восприятию творческого наследия Н.В. Гоголя в Китае, представляет собой масштабное филологическое исследование. В диссертации обобщен анализ влияния произведений русского классика на китайскую литературу на протяжении столетия: с первых десятилетий XX в. до настоящего времени; охвачен широкий круг писателей Китая, являющихся наследниками гоголевских традиций. Практическая значимость и актуальность работы обусловлены необходимостью расширения научного и цивилизационного диалога российской и китайской культур. Наряду с широтой охвата материала и обилием востребованных источников, диссертации присущ детальный аналитический подход. Влияние Гоголя на китайскую литературу впервые рассматривается с точки зрения трех разных школ — китайской, русской и западной. Привлечены произведения русских и китайских писателей, труды критиков и филологов на нескольких языках: русском, китайском, французском, английском (американские, британские, австралийские и др. исследования). Детально освещены этапы изучения Гоголя в Китае, особенно в связи с творчеством основоположника современной китайской литературы Лу Синя. Особый раздел посвящен изучению наследия Лу Синя в России. Исследовательница тщательно, с значительным количеством необходимых библиографических ссылок, прослеживает «историю вопроса» изучаемых явлений. Список литературы, использованной в диссертации, насчитывает 143 единицы. Приводятся многочисленные документальные источники, письма, дневниковые записи; детально анализируется деятельность Лу Синя как переводчика; содержателен раздел о формировании в Китае, в связи

с переводческими принципами, нового литературного языка. В отличие от существующей литературы по вопросу, разнообразных статей и монографий, посвященных отдельным темам исследования, диссертация носит обобщающий, энциклопедический характер. Богатая фактографическая основа сообщает труду непредвзятость и объективность. В качестве одной из примечательных составляющих работы следует, в частности, отметить сводную таблицу, в которой представлена исчерпывающая информация о переводах поэмы Гоголя «Мертвые души» в Китае за восемьдесят пять лет, с указанием имен переводчиков, издательств, времени и места изданий. Важен также раздел энциклопедического характера «Краткие биографические справки о китайских литературоведах и писателях, упоминаемых в диссертации». Результаты работы отражены в четырех статьях, напечатанных в рецензируемых научных изданиях. Работа прошла апробацию на двух международных и двух всероссийских конференциях с международным участием.

Некоторые положения диссертации, вынесенные на защиту, нуждаются, на мой взгляд, в уточнении. Например, утверждается, что в изображении социальных проблем в повести «Записки сумасшедшего» Лу Синь, наследуя одноименному гоголевскому произведению, «изобличил каннибализм в старом китайском обществе» (с. 12 автореферата; с. 23 диссертации). Речь в данном случае, конечно, идет о гротеске. Подразумевается все-таки социальная несправедливость: образно говоря, — «людоедское» общество, а не буквальная антропофагия, навязчивой идеей которой одержим герой Лу Синя. Далее и в автореферате, и в диссертации сделано пояснение на этот счет, но там, где эта тема затрагивается впервые, выражение звучит двусмысленно. Во избежание недоразумений, было бы, кажется, уместно употребить при характеристике повести Лу Синя не только факты китайской истории, но и изречение св. апостола Павла из Послания к Галатам, где содержится указанная древняя метафора: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг

другом» (Гал. 5, 15). У апостола тоже идет речь не о телесном «съедении», но о закоренелой общественной вражде.

Кроме того, Ли Аньци приводит в диссертации расхожее идеологизированное мнение, будто Гоголь является в русской литературе «основоположником» «натуральной школы» (с. 20 автореферата; с. 64 диссертации). Этот вопрос нуждается ныне в серьезном научном освещении. Вопреки голословным утверждениям, подлинным «отцом» натуральной школы, объединившей литераторов западнического направления, во главе с В.Г. Белинским и Н.А. Некрасовым, был не Гоголь, а критик Белинский. Сам же Гоголь, а также целый ряд современных ему писателей — С.П. Шевырев, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, князь П.А. Вяземский, Р.М. Зотов, графиня Е.П. Ростопчина и др., — да и сам Белинский с его единомышленниками, П.В. Анненковым, В.П. Боткиным и И.С. Тургеневым, — с самого начала отрицали связь гоголевского творчества с идейным содержанием произведений натуральной школы. Гоголь и его современники, в отличие от позднейших критиков и исследователей, неизменно указывали, что свое подлинное начало западническая школа «натуралистов» ведет не от него, не от Гоголя, а от тогдашней французской «вулканической», «неистойой» словесности. Известно, что вызревание натуральной школы начинается с острого — и всё более обострявшегося — конфликта ее представителей с Гоголем. Несмотря на эпигонские заимствования писателей натуральной школы отдельных художественных приемов Гоголя, для современников принципиальная разница между гоголевским реализмом, питаемым глубокой самобытностью, религиозностью и народностью писателя, и западническим щекочущим нервы натурализмом была очевидна. Диссертант в связи с характеристикой натуральной школы констатирует, что современные китайские литературоведы до сих пор «не могут отрешиться от традиционного “марксистского” подхода» в понимании гоголевского наследия (с. 21 автореферата; с. 64 диссертации). К сожалению, не только в Китае, но и

в самой России Гоголя до сих пор интерпретируют порой «по-марксистски», т.е. в духе «обличительной» беллетристики натуральной школы. Это справедливо отмечает диссертант, указывая, что радикально настроенные российские критики хотели видеть в Гоголе «лишь вождя “натуральной школы”» (с. 82 диссертации). При этом Ли Аньци подчеркивает, что после революционного движения в Китае 1919 г. Лу Синь тоже «принял атеизм, представленный марксизмом», и это, вместе с конфуцианством и буддизмом, привело его к «неприятию религиозной мысли в литературных произведениях Гоголя» (с. 22 автореферата; с. 81 диссертации). То, что соискательница в своей работе поднимает все эти острые проблемы, насущные для понимания рецепции Гоголя в России и Китае, является ее несомненной заслугой. Но, повторяю, эти вопросы нуждаются ныне в более глубоком, аргументированном изучении.

Среди обилия анализируемых проблем и материалов, некоторых интересных тем в представленной работе мне определенно «не хватило». Так, я ожидал увидеть в диссертации характеристики еще нескольких переводов Гоголя на китайский язык: например, первого перевода «Тараса Бульбы»; перевода «Вия» и др. Полагаю, что этот материал, бегло затронутый в первой и третьих главах работы, не вошел в нее только по причине ограничений, предъявляемых к объему кандидатских работ.

Сделанные замечания не умаляют значимости представленного диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01 – «Русская литература» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

11 ноября 2021 г.